

Иннокентий Анненский

Образовательное значение родного языка

Иннокентий Анненский

**Образовательное
значение родного языка**

«Public Domain»

1880

Анненский И. Ф.

Образовательное значение родного языка / И. Ф. Анненский —
«Public Domain», 1880

«Этот вопрос принадлежит к числу самых основных педагогических вопросов. Это едва ли не первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в организации школьного дела, в развитии индивидуальности ребенка. В ряду явлений духовного Мира первое, чему начал учиться первый из обучавшихся людей, был родной язык. Чему обучается человек дольше всего, кончив всякие научные курсы, обучается самою жизнью? Опять-таки родному языку. Китайский мальчик, который прочитывает после учителя мудреные столбцы иероглифов – учится родному языку; русский ребенок, слушающий сказку, незаметно для себя берет урок русского языка; седой парламентский оратор, готовя речь, тоже учится родному языку...»

Иннокентий Федорович Анненский

Образовательное значение родного языка

Этот вопрос принадлежит к числу самых основных педагогических вопросов. Это едва ли не первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в организации школьного дела, в развитии индивидуальности ребенка. В ряду явлений духовного Мира первое, чему начал учиться первый из обучавшихся людей, был родной язык. Чему обучается человек дольше всего, кончив всякие научные курсы, обучается самою жизнью? Опять-таки родному языку. Китайский мальчик, который прочитывает после учителя мудреные столбцы гieroглифов – учится родному языку; русский ребенок, слушающий сказку, незаметно для себя берет урок русского языка; седой парламентский оратор, готовя речь, тоже учится родному языку.

«Работа» над родным языком начинается у человека при нормальных условиях в двухлетнем возрасте, а совершенно прекращается лишь с концом его умственной деятельности. Мы не можем себе представить, чтобы человек (берем человека из образованной среды, потому что здесь процесс виден рельефнее), с расширением круга своих понятий и представлений, оставался в пределах одного и того же количества слов, оборотов; но если даже не происходит заметного изменения в количественном отношении, смысл, придаваемый им отдельным словам, видоизменяется: дифференцировка понятий становится тоньше, употребление слов определеннее – в словах нарастает содержание; а между тем, наука в движении своем обогащает его новыми терминами, текущая литература вталкивает ему в ум новые «словечки». Рассказывая, сочиняя, преподавая, ведя деловой или светский разговор, человек постоянно встряхивает свой речевой запас, пополняет, видоизменяет, приспособляет его.

Очень рельефно проявляется работа над речью у писателей: черновые бумаги Пушкина и Гоголя дают нам возможность увидеть тягостную сторону этой работы. Вспомним еще, пожалуй, Флобера и его страшные труды над фразой. Конечно, мы все, обыкновенные люди, разговаривая, не проделываем и сотой доли той работы, которую мы открываем у писателей; но каждый из нас в самом факте обладания родною речью пользуется возможностью такой работы. К сожалению, богатство, которым мы располагаем, большинством совершенно не ценится. Неточность речи, в частности именно нашей, русской речи, кажется, не нуждается в подтверждении. Сколько бесконечных и бесплодных споров возникало и возникает постоянно вследствие небрежного употребления слов, вследствие неразграниченности наших синонимов и, главное, отсутствия стремлений внести единство и систему в мир тех *важных* слов, с которыми мы ежедневно имеем дело! я напому пререкания об *искусстве*, о *тенденции*, о *свободе воли*. Кому из нас не приходилось замечать, что противники часто лишь после нескольких часов спора убеждались, что они одним и тем же словом называли совершенно различные группы признаков. Одною из причин неустановленности в значении слов я считаю наше малосознательное отношение к родной речи. Виновата в нем не мало школа: она должна и помогать горю. Ни в чем не выказалось так красноречиво наше равнодушие к отечественному языку, как в полном отсутствии у нас, русских, филологического кодекса: у нас нет ни классической грамматики, ни академического словаря, ни словарей: исторического, этимологического, синонимического; язык классических наших писателей почти не тронут изучением (надо исключить Державина и отчасти Крылова); известна также слабость разработки русского языка в отношении диалектическом – все это результаты нашего небрежного отношения к слову, и в частности к родному слову. (Ср. Буслаева «О преподавании отечественного языка». Изд. 2-е, 1867, 28–29).

Целью моей статьи будет показать, что может и должна делать школа, чтобы работа над языком, которая постоянно творится в отдельных людях или, по крайней мере, легко вызыва-

ется, давала общие результаты, т. е. чтобы наша речь полнее и точнее выражала мир мыслей и чтобы, с другой стороны, сама речь, как объект, представлялась нам яснее.

Слово *язык*, если даже устранить анатомический его смысл, имеет два различных значения: с одной стороны языком мы называем *речь*, das Gesprochene, нечто конкретно существующее, ту речь, которую мы думаем, говорим, читаем, воспроизводим фонографом; с другой стороны, мы называем языком *абстракцию* из ряда гомогенных *речей*, построенных по общему типу и, благодаря этому, свободно понимаемых в общении говорящих. Тэн, в своем введении к «Истории английской литературы», с несколько узкою правильностью выразился об языке следующим образом: «В сущности, нет ни мифологии, ни языков, а только люди, которые комбинируют слова и образы соответственно нуждам их органов и самобытной жизни их ума». Языка *нет*, как *нет* вообще никакого отвлеченного понятия; но разве существование в мысли не настолько же действительно, как и существование в ощущении?

Рассмотрим подробнее, что такое речь и что такое язык?

Речь есть механическая ассоциация между рядом знаков, особенно звуковых или письменных, и рядом душевных актов, по преимуществу интеллектуального характера. Язык (берем не вообще язык, а какое-нибудь отдельное наречие) есть признак национальности, т. е. комбинация родовых черт из речевых проявлений духовной жизни людей, принадлежащих к одному народу и долго живших совместно жизнью, в духовном общении.

Способность к речи лежит в нормальной организации каждого человека. Исследование патологических явлений в сфере речи (об этом смотри Kussmaul, Störungen der Sprache, в серии медицинских руководств Ziemssen'a) дало возможность точно определить мозговой центр этой способности: он помещается в левом полушарии, в третьей лобной извилине (Sulcus Broca). Наука не дает нам пока возможности определить, в какой мере в уме ребенка есть предрасположение к одной какой-нибудь речи, но у нас есть кое-какие наблюдения над духовною жизнью ребенка (см., напр., В. Perez – во французском издании – Les trois premières années de l'enfance 3-e. ed. 1886), и в частности над речью ребенка. Ребенок не создает себе речи: он приобретает ее от окружающих, руководствуясь при этом не сознательными целями, а инстинктом подражания. Звуковой образ слова, выделившись, в силу случайных, индивидуальных условий, из речи окружающих и коснувшись слухового центра мозга ребенка, передается оттуда, по пути, вероятно, проторенному рядом работ в предшествующих поколениях, в центр двигательный (указанный выше центр Брока), причем влечет со стороны ребенка попытку произвести соответствующие артикуляции; несомненно, есть акты предшествующие, подготовительные, но они ускользают от наших наблюдений. Слово требует для своего произнесения не одного движения органов рта, а сложного ряда таких движений ребенок упражняет свои органы речи раньше в том лепете, где мы с трудом различаем элементы своей речи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.